

Научная статья

Original article

УДК 911.3:32+ 341.221(571.6)

doi: https://doi.org/10.55186/2413046X_2026_11_2_26

edn: ХКХJQF

**СЕТЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ЯКУТСКОГО
ВОЕВОДСТВА: СОЗДАНИЕ, СОСТАВ, ОСОБЕННОСТИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ (СЕРЕДИНА XVII – НАЧЛО XVIII ВЕКОВ)
THE NETWORK OF TERRITORIAL CONTROL OF THE YAKUT
VOEVODESTVO: CREATION, COMPOSITION, FEATURES OF
FUNCTIONING (MID-17TH – OF THE BEGINNING OF 18TH
CENTURIES)**

Боенков Сергей Андреевич, аспирант лаборатории территориально-хозяйственных структур, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН (ТИГ ДВО РАН), 690041, РФ, Приморский край, г. Владивосток, ул. Радио 7, E-mail: boenkov.bf@gmail.com

Чурзина Анна Александровна, младший научный сотрудник лаборатории территориально-хозяйственных структур, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН (ТИГ ДВО РАН), 690041, РФ, Приморский край, г. Владивосток, ул. Радио 7, E-mail: anna-churzina@mail.ru

Шведов Вячеслав Геннадьевич, ведущий научный сотрудник лаборатории территориально-хозяйственных структур, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН (ТИГ ДВО РАН), 690041, РФ, Приморский край, г. Владивосток, ул. Радио 7, E-mail: i-svg@yandex.ru

ORSID: <https://orcid.org/0000-0002-5075-9985>

Boenkov Sergey Andreevich, graduate student of laboratory of territorial and economic structures, Pacific Geographical Institute of FEB RAS (PGI FEB RAS), 690041, RF, Primorsky Krai, Vladivostok city, Radio st. 7, E-mail: boenkov.bf@gmail.com

Churzina Anna Aleksandrovna, junior research fellow of laboratory of territorial and economic structures, Pacific Geographical Institute of FEB RAS (PGI FEB RAS), 690041, RF, Primorsky Krai, Vladivostok city, Radio st. 7, E-mail: anna-churzina@mail.ru

Shvedov Vyacheslav Gennad'evich, leading researcher of laboratory of territorial and economic structures, Pacific Geographical Institute of FEB RAS (PGI FEB RAS), 690041, RF, Primorsky Krai, Vladivostok city, Radio st. 7, i-svg@yandex.ru. ORSID: <https://orcid.org/0000-0002-5075-9985>

Аннотация. Актуальность проведённого исследования обусловлена необходимостью сохранения контроля над северной частью российского Дальнего Востока. Его основой является пространственная сеть, которую составляют населённые пункты, выполняющие роль опорных баз и связывающие их транспортные коммуникации. Создание этой конструкции относится к XVII веку, когда в пределах "Новой Сибири" началась закладка территориальных основ Якутского воеводства. При этом, практически все её элементы сохранились и остаются дееспособными в настоящее время. В свою очередь, данное обстоятельство говорит в пользу необходимости изучения начальной стадии формирования столь устойчивой системы пространственного контроллинга. Таким образом, цель публикации состоит в рассмотрении специфики создания первичной сети территориального контроля в Якутском воеводстве. Отсюда проистекали следующие задачи: 1) выявить составившие её элементы 2) определить пространственные особенности их размещения 3) дать оценку эффективности их функционирования. Новизна проведённого исследования определена рассмотрением открытия и освоения новых территорий с позиции анализа

процесса создания системы пространственного контроля над ними. Его результат состоит в выявлении приоритетов размещения элементов данной сети в пределах Якутского воеводства со времени основания в середине XVII до его упразднения в начале XVIII вв. Обобщающие выводы позволили определить сильные и слабые стороны её построения.

Abstract. The relevance of the study is determined by the need to maintain control over the northern part of the Russian Far East. Its basis is a spatial network, which consists of settlements that act as support bases and are connected by transport communications. The creation of this structure dates back to the 17th century, when the territorial foundations of the Yakut Voevodstvo began to be laid within the boundaries of New Siberia. At the same time, almost all of its elements have been preserved and remain operational at the present time. In turn, this circumstance speaks in favor of the need to study the initial stage of the formation of such a stable system of spatial controlling. Thus, the purpose of the publication is to examine the specifics of creating a primary network of territorial control in the Yakut Voevodstvo. The following tasks arose from this: 1) to identify the elements that comprised it; 2) to determine the spatial features of their placement; 3) to assess the effectiveness of their functioning. The novelty of the conducted research is determined by the consideration of the discovery and development of new territories from the standpoint of analyzing the process of creating a system of spatial control over them. The materials for writing of this article were some theoretical provisions of socio-economic and political geography, selected statistical data, factual information drawn from scientific literature on the history of geographical discoveries in the North-East of Eurasia and its mastering. The following methods were used: source study, selective statistical, chrono-spatial reconstruction, territorial structuring, and system analysis. The study's results revealed priorities for the deployment of territorial control network elements. The resulting conclusions allowed us to identify the strengths and weaknesses of its design.

Ключевые слова. Новая Сибирь, Якутское воеводство, территориальный контроль, опорные базы, транспортные пути

Key words: New Siberia, Yakut Voevodstvo, territorial control, support bases, transport routes

Введение. Основным материальным достоянием государства является территория, представляющая собой как пространственное сосредоточение ресурсов – земельных, водных, минеральных, биологических и др., так и место расселения и жизнедеятельности его граждан (подданных) [18]. Но реализация возможностей, которые заложены в этих данностях, возможна лишь при наличии сети территориального контроля (СТК) – совокупности функциональных объектов двух типов. Первый представлен населёнными пунктами, которые выступают в роли опорных баз. Их посредством осуществляется контроль (административный, правовой, экономический, идеологический, оборонный) над конкретными территориями [7]. Они являются центрами выработки и институализации различных норм контроля, местами сосредоточения материальных и людских ресурсов для их исполнения. При этом данные базы могут существенно различаться по значимости и набору функций контроллинга. Объекты другого типа – коммуникации, служащие для передачи информации соответствующего содержания, движения ответственных лиц и силовых подразделений. То есть, построение СТК соответствует принятой в социально-экономической географии конструкции линейно-узлового каркаса, которая применима к проведению исследований различной тематической направленности [15].

Морфология сетей территориального контроля многообразна. Своеобразие каждой из них складывается под переменным воздействием внутренних и внешних факторов. К первым относится специфика размещения населения и экономического потенциала страны, социальной, межэтнической, межконфессиональной, криминогенной обстановки в

различных её частях, а также – влияние компонентов природной среды: рельефа, подстилающей поверхности, гидросети, климата, которые могут как способствовать, так и препятствовать созданию и функционированию СТК. Вторые представлены системой отношений с соседними и, в ряде случаев – отдалёнными странами.

Пространственной организации сетей территориального контроля присуще несколько уровней – от межгосударственного (между союзными странами) до локального. Основными из них представляются государственный и региональный уровни. Значимость первого определена тем, что страна, не контролируя какую-либо часть своей территории, обречена на её утрату. Что касается регионального уровня, то он представляет собой адаптацию единой государственной СТК к местным условиям.

Региональный уровень имеет особое значение для крупных стран. Их размеры предполагают различия (вплоть до контрастных) во внутренних условиях, что непосредственно влияет на особенности построения СТК "от места к месту" [11]. Это в полной мере относится и к России. Одним из её стратегически важных регионов является север Дальнего Востока, занимающий по отношению остальной территории страны северо-восточное положение. Контроль над его территорией осложнён удалённостью от центра страны, экстремальностью природных условий, транспортной труднодоступностью, недостаточным уровнем освоения и слабой заселённостью. Преодоление связанных с этими данностями проблем, в сочетании с поиском доступов к освоению природно-ресурсного потенциала новых земель и обеспечением их безопасности, стали непосредственной задачей созданного в XVII веке Якутского воеводства.

Материалы и методы. Материалами для написания статьи послужили некоторые теоретические положения отечественной школы социально-экономической и политической географии, избранные статистические

данные, обширные фактологические сведения, почерпнутые из научной литературы по истории географических открытий на Северо-Востоке Евразии и его освоению, российско-аборигенным отношениям. Использовались методы: изучения и сопоставления источников, выборочно-статистический, хроно-пространственной реконструкции, структурного и системного анализа.

Результаты и обсуждение. В начале XVII в. Россия утвердила свой суверенитет в бассейнах Оби и Енисея. Но континентальный массив простирался в восточном направлении и далее. Сведения о нём были отрывочны и не всегда достоверны. Несомненной представлялась информация лишь о его богатых биоресурсах [2]. А поскольку продукция пушного и зверобойного промыслов тогда формировала от 20 до 40 % дохода казны [5], это предположение сыграло решающую роль в дальнейшем. В XVII в. пространство к востоку от бассейна Енисея обозначалось как "Новая Сибирь" [4], и даже представляя собой Terra Incognita, рассматривалось как потенциальный источник увеличения объёма добычи пушнины и моржовых клыков.

Распространённое представление о спонтанности территориального продвижения России в Сибирь не соответствует действительности [13]. С 1599 г. оно управлялось Приказом Казанского дворца, а с 1637 г. – Сибирским приказом. Из них исходили инструкции по организации освоения новых земель, регулированию отношений с аборигенами, производился учёт ясачных и налоговых сборов. Важнейшей стороной деятельности этих приказов было формирование и снабжение отрядов служилых казаков, которые без централизованного обеспечения не смогли бы совершать длительные походы по незнакомой, труднодоступной местности, возводить укрепления, вести боевые действия в глубоком отрыве от своих тылов. Это не исключало появления неуправляемых "ватаг". Но таковые подлежали нейтрализации как наносящие ущерб "государеву делу"; в том числе их

уничтожали, как это было, к примеру, в 1628 г. во время карательной акции на Нижней Тунгуске.

При создании СТК в Новой Сибири возводились опорные базы двух рангов. Наиболее простыми из них были зимовья – укреплённые избы, которые оборудовались складскими отсеками и вмещали несколько десятков человек. В основном они использовались лишь в сезон сбора ясака и охотничьего промысла. Но при этом зимовья осуществляли важные функции первичного контроля. Их наличие на какой-либо территории фиксировало принятие её коренными жителями российского подданства. Пребывавшие в зимовьях отряды устанавливали формы и размеры ясачного обложения местного населения, налаживали меновую торговлю с ним. Гарнизон зимовья был способен пресечь межклановую вражду среди аборигенов, защитить их от притеснений вольными "ватагами", провести силовую акцию.

Другой тип представляли остроги – постоянно действовавшие крупные (по местным меркам) опорные базы [6]. Выбор их расположения обуславливали причины как гражданского свойства (ключевое положение в транспортном отношении, для сбора ясака или торговли с аборигенами), так и военного – в зонах потенциального возникновения мятежей либо на линии соприкосновения с неподчинёнными воинственными племенами [9]).

Остроги оснащались серьёзной фортификационной защитой и, зачастую, тяжёлым вооружением; их гарнизоны могли насчитывать несколько сотен человек. В них помимо гарнизона, как правило, находились некомпатанты – семьи служилых людей, ремесленники, купцы. Наконец, острог был резиденцией сменяемых назначенцев – воевод (представителей дворянского сословия) или "наказных людей" (выдвиженцев из среды командиров казачьих отрядов). На время исполнения службы они обладали всей полнотой военного и гражданского контроля над вверенной территорией. Критериями оценки их деятельности служили регулярность и объём поступлений в казну, подвижки в развитии непромыслового хозяйства,

стабильность в поддержании общего правопорядка и в отношениях с аборигенами.

Линейным типом элементов СТК являлись коммуникации, сообщение по которым в Новой Сибири было проблематичным. Главным препятствием являлись природно-климатические условия: преобладающий горный рельеф, практически повсеместная заболоченность равнин. Поэтому основным видом путей сообщения была густая и разветвлённая речная сеть. Её главным компонентом была охватившая почти 2,5 млн. км² гидросистема Лены. Летом реки предоставляли единственную возможность перемещений внутри массива суши Новой Сибири, зимой они служили санными дорогами. Но абрис речных русел был неизменен, и это обстоятельство могло вступать в противоречие с оптимальными маршрутами движения между опорными базами.

Морская навигация ограничивалась коротким летом, поскольку создание и круглогодичное содержание на отдалённом арктическом побережье опорных баз с достаточными запасами провианта и топлива были крайне затруднены. По этой причине мореплавание в Новой Сибири в основном было представлено соединительными прибрежными маршрутами между устьями рек [17].

Суша Новой Сибири летом была де-факто непроходима. Но со временем здесь, в силу необходимости, сложились два относительно устойчивых сухопутных тракта, которые будут упомянуты позже.

Начало установлению контроля над Новой Сибирью положил рейд В. Пянды, который с Нижней Тунгуски волоком перешёл на верхнее течение Лены в 1623 г. Этот поход подтвердил наличие к востоку от Енисея крупной речной системы, позволил определить её судоходность, и наличие богатых охотничьих угодий. Затем состоялся поход П. Бекетова 1630 – 1632 гг., который продвинулся до среднего течения Лены. Здесь была заложена опорная база – Якутский (первоначально Ленский) острог. Он расположился

практически в центре разветвлённой системы судоходных рек. Окружающая его территория была местом расселения наиболее многочисленных якутских кланов, подчинение которых имело решающее (в формате региона) политическое значение, открывало возможность проведения крупного ясачного сбора и стабильного продовольственного обеспечения острожного гарнизона. В результате Якутский острог быстро обрёл значение центра организации контроля над бассейном Лены, который стал расширяться путём создания по широкому периметру вокруг него зимовий. Наиболее важными из них стали:

- Жиганское (1632 г.) – ниже по течению Лены, как опорный пункт при продвижении к Северному Ледовитому океану, на побережье которого предполагалось вести поиск лежбищ моржей;
- Усть-Янское (1634 г.), заложенное в устье Яны после продвижения от Жиганского зимовья на восток по морю Лаптевы;
- Олёмминское и Верхоянское (1635 г.). Первое из них заперло ущелье между Становыми нагорьем и хребтом, за которыми, по слухам, проживали многочисленные воинственные племена (скорее всего – дауры, обладавшие стальным оружием и конницей). Второе основал М. Перфильев, пройдя вверх по Яне и обнаружив богатую пушным зверем Землю юкагиров;
- в 1636 г. для укрепления связи с российской территорией в бассейне Енисея, на кратчайшем пути к ней вдоль Вилюя было возведено три зимовья – Верхневиллюйское, Средневиллюйское и Нижневиллюйское. Одновременно отряд И. Реброва двигаясь морем от Усть-Янского зимовья достиг устья Индигирки, где также было заложено Нижнеиндигирское зимовье.

Таким образом, в короткий срок была создана СТК, которая охватила почти полностью бассейны Лены, Яны, низовья Индигирки и расположенный между ними отрезок морского побережья. Следствием этого стало создание в 1638 г. Якутского воеводства. По исходившей уже из его административного

центра инициативе, некоторые из зимовий для усиления функциональной эффективности местной СТК были преобразованы в остроги:

- Усть-Янское, как отправная база для дальнейшего продвижения вдоль морского побережья далее в восточном направлении;
- Олёкминское, из-за множившейся тревожной информации о воинственности живших к югу от "Становиков" племён;
- Верхоянское, которое было усилено по просьбе принявших российское подданство юкагиrow для их защиты от набегов чукчей.

Наделение Якутского воеводства официальным административным статусом конкретизировало его задачи в области территориального контроля. Одна из них состояла в многосторонней интеграции присоединённых земель в состав Российского государства. Другая исходила из того, что Якутское воеводство де-факто являлось фронтальной территорией [8], и пространственный потенциал Новой Сибири к востоку и югу от него был ещё не исчерпан. Это предоставляло благоприятные условия для последующих территориальных приобретений.

Следует заметить, что после походов В. Пояркова, Е. Хабарова и О. Степанова (с 1643 по 1658 гг.) южное направление обрело самостоятельность вплоть до образования отдельного Албазинского воеводства. Причинами этого стали: возможность обработки обширных площадей в бассейне Амура, что не вписывалось в сложившуюся экономическую специализацию Якутского воеводства на промысловом хозяйстве; а также – обнаруженное за Амуром соседство с Империей Цин, которое быстро переросло в крупный военный конфликт. Поэтому территориальная экспансия Якутского воеводства в дальнейшем развивалась в восточном направлении.

Это продвижение стимулировалось открытием всё более богатых охотничьих угодий. В данной связи решающее значение имело приведение в российское подданство эффективных добытчиков пушнины – юкагиrow и эвенов. Для этого надо было усилить контроль над восточным фронтиром,

ориентировочно проходившем по Индигирке. Выполняя эту задачу, отряд Д. Копылова, выйдя в 1638 г. из Якутска, прошёл вверх по реке Алдан до его слияния с Маей, где заложил Бутальское зимовье. Здесь была получена информация о новой морской акватории на востоке с лежбищами моржей на побережье [16]. На следующий год, перевалив хребет Джугджур, к Охотскому морю вышел, и заложил зимовье отряд И. Москвитина. Этот пункт расширил зону ясачного сбора и зверобойного промысла, а также стал местом сбора информации о Чукотке и Камчатке – их биоресурсах и о населении. Учитывая важность Охотского зимовья, оно вскоре было преобразовано в острог, а для поддержания его регулярной связи с Якутском был проложен тракт по маршруту Джугджур – Юдома – Мая – Алдан.

Между тем, обстановка в бассейне Индигирки начала обостряться. Среди юкагиров и эвенов распространилось мнение, что русские, собирая с них ясак, не выделили достаточных сил для защиты их стойбищ от чукотских набегов [14]. Это было чревато началом восстания. В связи с этим были приняты меры по усилению контроля над северо-восточным фронтиром.

В 1639 г. отряд П. Иванова, выйдя из Верхоянского острога, перешёл хребет Черского и заложил в верховьях Индигирки Зашиверское и Подшиверское зимовья. Двумя годами позже их дополнило в низовьях Индигирки Олюбинское (Нижнеиндигирское) зимовье, которое после умиротворения юкагиров, было преобразовано в острог. Ещё одно зимовье, построенное близ современного Оймякона, "заперло" доступ к центральной части воеводства по понижению между хребтами Черского и Сунтар-Хаята.

Таким образом, была создана цепь опорных баз, которая позволила пресечь распространение мятежных настроений среди ясачных племён и прикрыла восточный фронт. Кроме того, Нижнеиндигирский острог сыграл важную роль в дальнейшем распространении российского территориального контроля в восточном направлении. Выйдя в 1643 г. из него, отряд М. Стадухина морем достиг Колымы, где в её устье и на среднем

течении были основаны Нижнеколымский и Среднеколымский остроги и, вслед за ними – Верхнеколымское зимовье (1647 г.). Так подконтрольная России территория вплотную приблизилась к Земле чукчей и северным подступам к Камчатке.

Теперь значение основной опорной базы на побережье Северного Ледовитого океана перешла Нижнеколымскому острогу. Сосредоточенные в нём ресурсы были достаточны для организации длительного похода отряда С. Дежнёва и Ф. Попова. В 1648 г. они морем достигли Берингова пролива, где были разлучены штормом.

Известно, что Попов и его люди были отнесены к Камчатке, что завершилось их гибелью от цинги и рук аборигенов. Дежнёв после кораблекрушения и зимовки в Олюторском заливе прошёл в 1649 г. вверх по Анадырю на 650 км., достигнув Марковской низменности – территории с уникально тёплым для Чукотки климатом. Здесь был заложен Анадырский острог – крайняя восточная и максимально удалённая опорная база Якутского воеводства. Недооценить её значение было сложно.

Биоресурсный потенциал Чукотки представлялся неисчерпаемым. Так, Дежнёв одновременно сдал в казну почти 150 пудов моржовых клыков [10], а также несколько сотен соболиных шкурок. При этом, Анадырский острог находился практически в центре расселения самого активного в военном отношении аборигенного сообщества. Это позволяло отслеживать настроения в чукотских кланах и оперативно реагировать на перемены в них. Для поддержания связи с этой исключительно важной опорной базой, из Якутска к ней по кратчайшему маршруту был проложен сухопутный тракт через Верхоянский, Зашиверский и Нижнеколымский остроги.

Создание Анадырского острога отметило важный этап в расширении территориального контроля Якутского воеводства: его сеть, в совокупности с основанием Охотского острога, достигла знакового природного рубежа – побережья Тихого океана. То есть, это административное образование почти

полностью вобрало в себя территорию Новой Сибири; причём настолько полно, что это название к концу XVII в. исчезло из обихода. Единственным неинтегрированным "осколком" оставалась Земля чукчей. Линия соприкосновения с ней, условно проходя по Анюйскому и Колымскому нагорьям через Анадырский острог, к этому времени превратилась в зону непрерывных боестолкновений.

Завершающим этапом формирования СТК Якутского воеводства стало её распространение на Камчатку, сведения о богатстве биоресурсов которой русские после продвижения за Колыму получали регулярно.

В 1697 г. из Анадырского острога вышел отряд В. Атласова, который заложил в верховьях реки Камчатки первый острог. Позже были возведены остроги Большерецкий на юго-западе полуострова при слиянии рек Быстрой и Большой (1703 г.) и Нижнекамчатский – в низовьях реки Камчатки (1713 г.). Учитывая ромбическую конфигурацию нового территориального приобретения, эти опорные базы позволяли осуществлять контроль над его наиболее населённой южной частью, что способствовало сбору ясака и надзор за наиболее многочисленными кланами коряков и ительменов. Кроме того, Большерецкий острог обозначил перспективу (изначально – гипотетическую) установления морского сообщения с Охотском.

В начале XVIII в. площадь Якутского воеводства превысила 4,5 млн. км². В его пределах была создана СТК, распространившая российские правовые и административные нормы на обширные земли, установившая в их пределах регламент отношений с коренным населением и, в конечном итоге, способствовавшая интеграции Новой Сибири в общегосударственное пространство [1]. Благодаря этому Якутское воеводство обрело важную позицию в экономике России. Так, в 1660 г., в виду возобновления войны с Польшей и Крымским ханством, сибирские воеводства направили в казну сбор в 600 тыс. рублей; большая часть этой суммы поступила из Якутска [19]. Наконец, установленный территориальный контроль способствовал

прекращению (а в случае с чукчами – сдерживанию) межплеменных конфликтов среди коренного населения.

Вместе с тем, в построении и функционале СТК Якутского воеводства выявился ряд недостатков. В значительной мере это было обусловлено тем, что данная сеть создавалась на труднодоступной, экстремальной в климатическом отношении территории. Кроме того, имелись осложнения антропогенного свойства. В первую очередь, следует указать на то, что в XVII в. общее развитие транспортных средств и средств связи, орудий труда и вооружений ещё не достигли того уровня, который позволял ведущими мировым державам (Испании, Португалии, Нидерландам, Англии) устанавливать всеобъемлющий контроль над новоприсоединёнными ими отдалёнными землями [12]; особенно – если местные условия так или иначе не способствовали этому процессу. Это в полной мере относилось и к российскому продвижению в Новой Сибири.

Кроме того, Россия, присоединяя эту территорию, одновременно вступила в полосу непрерывных войн с Польшей, Швецией и Турцией (с 1654 по 1721 гг.), пережила ряд внутренних потрясений (в том числе – восстание С. Разина). Эти события требовали непрерывного притока служилых людей и материальных средств, ограничивая их направление в сибирские воеводства, как находящиеся вне актуальных «болевых зон» страны на её западном и южном рубежах. Это создало хроническую нехватку ресурсов развития "на местах", в том числе – и сфере усиления и повышения эффективности работы СТК. Для Якутского воеводства эта ситуация оказалась наиболее неблагоприятной. Оно было максимально удалено от исторического центра страны и любые проявления дефицита поддержки имели для неё критическое значение. Вдобавок, его связь с остальной территорией России была крайне слаба и осуществлялась лишь по двум зимним волокам с верховий Лены на Нижнюю Тунгуску и Ангару. Наконец, опорные базы СТК в самом Якутском воеводстве размещались на большом

отдалении друг от друга; их расположение нередко соответствовало устаревшим региональным реалиям, а средства на возведение новых находились не всегда. Нехватка служилых людей стала причиной забрасывания некоторых зимовий. Транспортная связь между опорными базами в основном определялась не столько целесообразностью их устройства, сколько абрисом речной сети. Относительно регулярная сухопутная связь осуществлялась лишь по Охотскому и Анадырскому трактам.

Всё это создавало предпосылки для развития административных злоупотреблений на местах, роста трудностей при сборе ясака и налогов, образования в территориальных лакунах каркаса СТК зон ослабления контроля или вовсе – его отсутствия. Воеводство оказалось не в состоянии разрешить конфликт с чукчами, который со временем лишь обострялся.

В XVIII в., начиная с реформ Петра I, политическая доктрина России на её северо-восточных рубежах претерпела серьёзные изменения. Приоритетами здесь стали создание Северного морского пути (вскоре оставлено из-за технической невозможности реализации), организация морской торговли со странами Восточной и Южной Азии, участие в территориальном разделе Северной Америки [20]. Это означало смещение центра российской активности на Северо-Востоке на океаническое пространство и организацию контроля над ним за счёт сооружения портов и прокладки морских трасс [3]. Данные перемены оказали решающее влияние на статус и положение Якутского воеводства. В 1708 г. оно было упразднено и включено в состав новой, Сибирской губернии. Её территория утратила фронтальный статус, и теперь рассматривалась как база обеспечения российской экспансии в Северной Америке и на Тихом океане. Это вызвало пространственную и функциональную перестройку здешней СТК. Данный процесс оказался столь знаковым, что заслуживает освещения в отдельной публикации.

Заключение. Проведённое исследование позволило составить целостную хроно-пространственную картину формирования российского территориального контроля над землями, именовавшимися Новой Сибирью, их преобразования в Якутское воеводство. Определено функциональное назначение структурных элементов созданной здесь СТК: опорных баз двух рангов (зимовья и остроги) и путей сообщения трёх видов – речных, морских и сухопутных. Установлено, что их размещение не было спонтанным, а проходило под влиянием императивов поиска доступа к природным ресурсам и решения региональных геостратегических задач. В публикации отмечено, что созданная в своё время основа первичной СТК способствовала разносторонней интеграции в состав Российского государства огромной территории на северо-востоке Евразии, обеспечила расширение её доступ в Северный Ледовитый и обеспечила выход в Тихий океаны.

Список источников

1. Авдеева О.А. Политика государственного устройства Сибири во второй половине XVI – начале XVII века // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2007. № 1 (51). С. 50 – 53.
2. Бакланов П.Я., Романов М.Т., Шведов В.Г. Тихоокеанский вектор в пространственном развитии России и США: основные рубежи и этапы // Известия Российского географического общества. 2021. № 3. С. 3 – 16. DOI 10.311857/M08696607121030022.
3. Боенков С.А. Океанический этап в освоении российского Северо-Востока / Геосистемы Северо-Восточной Азии: природные, социальные и хозяйственные системы. Сборник научных статей. Владивосток, 2024. Под редакцией К.С. Ганзея, А.В. Мошкова. Владивосток: издание Тихоокеанского института географии ДВО РАН, 2024. С. 268 – 271. DOI 10.35735/9785604968338_108.
4. Борисов А.А. История Якутии. Новосибирск: Наука, 2020. Т. II. 215 с.
5. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири в конце XVII – начале XVIII веков. Новосибирск: Наука, 1990. 368 с.

6. Губайдуллин А.М. Фортификационный словарь. Казань: издательство Института истории Академии наук Республики Татарстан, 2003. 104 с.
7. Дружинин А.Г. Типологическая поливариативность опорных баз морской активности России (теоретико-концептуальный аспект) // Вестник Балтийского федерального университета. Серия естественных и медицинских наук. 2021. № 2. С. 23 – 34.
8. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и её образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. №5. С. 75 – 89.
9. Зуев А. С. О боевой тактике и военном менталитете коряков, чукчей и эскимосов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия история, филология. .2008. Т. 7. № 1. С. 35–43.
10. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. М.: Просвещение, 1983. Т. II. 399 с.
11. Маергойз И.М. Территориальная структура хозяйства. Новосибирск: Наука, 1986. 303 с.
12. Максаковский В.П. Историческая география мира. М.: АСТ, 2025. 624 с.
13. Махинов А.Н., Шведов В.Г. Российское землепроходческое движение в Приамурье (XVII век). Историко-географическая ретроспектива. М.: Академия естествознания, 2011. 214 с.
14. Нефёдкин А.К. Очерки военно-политической истории Чукотки (начало I тыс. н. э. — XIX в.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2016. 368с.
15. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973. 559 с.
16. Слободин С.Б. О моржах в Охотском море по историческим источникам // Вестник ДВО РАН. 2010. № 2. С. 15 – 24.
17. Ткаченко Г.Г., Шведов В.Г., Боенков С.А. Основные географические факторы формирования транспортной сети Дальнего Востока в Досоветский период //

Московский экономический журнал. 2025. № 12. С. 277 – 302. DOI 10.25633/ETN.2024.10.10.

18. Шведов В.Г. Историческая политическая география. Обзор становления, теоретические основы, практика. Владивосток: Дальнаука, 2006. 259 с.

19. Штыров В.А. Якутия: прошлое, настоящее, будущее [Электронный ресурс]. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/Якутия-прошлое-настоящее-будущее> (дата обращения 22.01.2026).

20. Baklanov P.Ya., Romanov M.T, Shvedov V.G. Spatial Development of Russia and the USA in the 16 – 20th centuries as formation of the major unit of geopolitical constructs of modernity // Revista San Gregorio. 2020. № 37. pp. 166 – 174.

References

1. Avdeeva O.A. The politics of state structure in Siberia in the second half of the 16th – early 17th centuries // Bulletin of the Irkutsk State Academy of Economics [Izvestiya Irtutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoy Akademii]. 2007. No. 1 (51). pp. 50 – 53. (in Russian).

2. Baklanov P.Ya., Romanov M.T, Shvedov V.G. The Pacific vector in the spatial development of Russia and the USA: main milestones and stages // Bulletin of the Russian Geographical Society [Izvestiya Rossijskogo geograficheskogo obshchestva]. 2021. No. 3. pp. 3 – 16. DOI 10.311857/M08696607121030022. (in Russian).

3. Boenkov S.A. The Oceanic stage by the development of the Russian North-East / Geosystems of Northeast Asia: natural, social and economic systems [Geosistemy Severo–Vostochnoj Azii: prirodnye, sotsial'nye i khozyajstvennyye sistemy]. Collection of scientific articles, Vladivostok 2024. Ed. by K.S. Ganzej, A.V. Moshkov. Vladivostok: Publishing house of Pacific Institute of Geography FEB RAS, 2024. pp. 268 – 271. DOI 10.35735/9785604968338_108. (in Russian).

4. Borisov A.A. History of Yakutia. Novosibirsk: Nauka, 2020. Vol. II. 215 P. (in Russian).

5. Vilkov O.N. Essays on the socio-economic development of Siberia in the late 17th – early 18th centuries. Novosibirsk: Nauka, 1990. 368 P. (in Russian).
6. Gubajdullin A.M. Fortification Dictionary. Kazan': Publishing House of Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2003. 104 P. (in Russian).
7. Druzhinin A.G. Typological polyvariability of support bases of maritime activity in Russia (theoretical and conceptual aspect) // Bulletin of the Baltic Federal University. Series on Natural and Medical Sciences [Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta. Seriya estestvennykh i meditsinskikh nauk]. 2021. No 2. P. 23 – 34. (in Russian).
8. Zamyatina N. Yu. The zone of development (frontier) and its image in American and Russian cultures // Social Sciences and Modernity [Obshchestvennye nauki i sovremennost']. 1998. No 5. pp. 75 – 89. (in Russian).
9. Zuev S.O. About combat tactics and military mentality of Koryaks, Chukchis and Eskimos // Bulletin of Novosibirsk State University. Series of History and Philology [Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoriya, filologiya]. 2008. Vol. 7. No 1. P. 35–43. (in Russian).
10. Magidovich I.P., Magidovich V.I. Essays on the history of geographical discoveries. Moscow: Prosveshchenie, 1983. Vol. II. 399 P. (in Russian).
11. Maergojz I.M. Territorial structure of the economy. Novosibirsk: Nauka, 1986. 303 P. (in Russian).
12. Maksakovskij V.P. Historical geography of the world. Moscow: AST, 2025. 624 P. (in Russian). (in Russian).
13. Makhinov A.N., Shvedov V.G. The Russian Pioneer Movement in Priamur'e Region (17th Century). A Historical and Geographical Retrospective. Moscow: Academy of Natural Sciences, 2011. 214 P. (in Russian).
14. Nefedkin A.K. Essays on the military and political history of Chukotka (beginning of the 1st millennium AD – 19th century). Saint Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies, 2016. 368 P. (in Russian).
15. Saushkin Yu.G. Economic Geography: History, Theory, Methods, Practice. Moscow: Mysl', 1973. 559 P. (in Russian).

16. Slobodkin S.B. Walrus in the Okhotsk Sea according to historical sources // Bulletin of FEB RAS [Vestnik DVO RAN]. 2010. No. 2. pp. 15 – 24. (in Russian).
17. Tkachenko G.G., Shvedov V.G., Boenkov S.A. The main geographical factors in the formation of the transport network of the Far East in the pre-Soviet period // Moscow Economic Journal [Moskovskij ekonomicheskij zhurnal]. 2025. No 12. pp. 277 – 302. DOI 10.25633/ETN.2024.10.10. (in Russian).
18. Shvedov V.G. Historical political geography. An overview of its development, theoretical foundations, and practice. Vladivostok: Dal'nauka. 2006. 259 P. (in Russian).
19. Shtyrov V.A. Yakutia: Past, Present, Future. Available from: <https://libmonster.ru/m/articles/view/Yakutia-past-present-future> [Accessed 22 January 2026]. (in Russian).
20. Baklanov P.Ya., Romanov M.T, Shvedov V.G. Spatial Development of Russia and the USA in the 16 – 20th centuries as formation of the major unit of geopolitical constructs of modernity // Revista San Gregorio. 2020. № 37. pp. 166 – 174. (in Russian).

© *Боенков С.А., Чурзина А.А., Шведов В.Г., 2026. Московский экономический журнал, 2026, № 2.*